

Слева: Кафедральный собор — символ Калининграда. Справа — могила И.Кампа.

приятно "Зеркало", Спрос бойкой — иней спектакль [к примеру, "Что мне сделать, чтобы ты меня полюбил"] обкатался раз двести. Так бы оно и шло, но Птушков из строгого библейского текста об Иакове, Рахили и Лии с помощью Паси Пасной и купринской "Суламифи" отворила эротическую притчу "Овенка". Слог притчи неровен — то и дело в него проникают перлы из бульварных переодных романов, кои вслух лучше не произносить. Захаров перед искушением не устоял — взялся за романтическую зрелищность. Тут свое черное дело сделал и Другой театр — Захаров решил, что лишняя хореография не помешает, и год потратили на тренажерный зал (уж лучше бы это был балетный класс). Недавняя премьера была зрелищем поучительным. Безусловно, слабый драматургический материал вместе с еще более слабой хореографией производил впечатление пародии. Приверженность к птушковским творениям сыграла с "Зеркалом" недобрую шутку, сделав этот театр притчей во языцех.

Елена ЧИРКОВА

через 20 лет области чистоту образа, он все так же параворачивает душу зрителя, проникаясь сущностью одного из самых русских, светлых, великодушных образов отечественной драматургии. Конечно же, такая роль — и крест, с которого сойти охота, однако и пребывать на нем больно. Есть и другие неудобства: после царя Федора неужели играть поп-арт etc.

Царя Федора — Петрова уравновешивает его антипод — Борис Годунов в исполнении Тахира Метуллина (тоже народного артиста РФ). Его Годунов — не модное воплощение Иосифа Виссарионовича, он по-современному прагматичен, просвещен, он знает, "как надо", он бесстрашен (страсти перегорели, оставив обугленную схему, идею, "цифровое облако", но порой ветер оживляет уголь, прикрытый золой). Со временем спектакль выцвел, как старый гобелен, царь Федор и Борис Годунов — единственно яркими в нем фигуры, остальные — тени, призраки, но и в этом есть своя прелесть: они словно посланы святому царю на искушение, в том числе и во искушение добром. Что может быть мучительней! Злом оборачивается каждая попытка принести в мир прощение, мир, любовь, и в прах рассыпается все, о чем молит под колокольный набат поверженный царь: "Доброй! Доброй!! Доброй!!! С тем мучительным противоречием и остаешься, поради все той же России: —

Спектакль требует от зрителя озорства, он труден, но к нему возвращаешься, как возвращаешься к Святому пришествию.

шим" сосуществует Другой театр! Аллы Татариковой-Карпенко, единственный, пожалуй, театр в России, который живет, не завися от моды, Серебряным веком. Его репертуар, созданный в эстетике русского ренессанса, — это "мистификации" по мотивам Гюлельма, Ахматовой, Есенина, Георгия Иванова, Чапыгина, Сомова, Врубеля, Бэнуса, переплавленные в драматическую форму Валерием Гитом и Аллой Татариковой-Карпенко.

Вот шесть спектаклей — "Асмодева кукла" (Гит — Чапыгин), "Ида" (Гит — Георгий Иванов), "Черный человек" (Гит — Есенин), "Иликодева" (Гит — Гюлельма), "Маски герцога Лоренцо" (Гит — Леонид Андреев), "Недавние сны" (Гит — Ахматова, Брюсов, Бельм, Сомов).

Пожалуй, из них "Асмодева кукла", которой открылся сезон в Другом театре, — самый трудный. История любви восковой куклы, в которую Асмодей вдолбил проданную душу заблужденной красавицы (Юлия — Татьяна Сладжанкова), и юного кавалера, готового сразиться с самим Князем мира (Владимир — Андрей Алексеев). Черная графиня (Эльгина Капранникова) поведует ее так искусно, что невольно упускаешь мгновения, когда ферфорова статуэтка дам и кавалеров (да и ты сам) превращаются в живой пасьянс "Красное и черное".

Чья рука тасует карты? Кто играет нашими судьбами? От кого у человека может быть власть над другим человеком? Соединяет ли этот человек с искусством властью? Сознает ли, что оружие, сплуженное в его руки, роковым образом убивает и его самого, не только другого? И вправе ли всякий человек принимать такое оружие, такую власть? Вот такие вопросы в чуть ироничной изящной форме заданы участникам и свидетелям действия.

Спектакль, как и положено Серебряному, предельно эстетичен. Актеры молоды, хороши собой, пластичны (результат ежедневной 7-часовой репетиции и асробатики часов упражнений), беспрекословно подчинены невидимому кукловоду-режиссеру. Нежность, нежность, нежность — чрезвычайно зрелищны, как эстетичны, так и предметно роскошны. Но и зрелище — трюк, с помощью которого режиссер увлекает в те предали, где вам задают те самые недобрые вопросы про власть и ее атрибуты.

Абсолютно выверена и хореография (балет-модерн-рискованные позы итальянских граффити-Сомов с Бэнуса), без которой спектакль потерял бы многое из своего очарования.

Если в Москве создан театр Пелламея, то в Калининграде на один год существует театр Н.Птушковой, воплощенный танцевальным дуэтом Захаровых в изысканном

Россия
Калининград
Театр "Зеркало"

Театральная погода в городе где всегда дождь

Калининградом театры традиционно повеле: четверть жителей этого города преданно любит театр, а потому все восемь местных театров живут в счастливом режиме аншлагов. Открытия театрального сезона празднуют здесь с большим энтузиазмом, нежели сезон охотничьего. В непреодолимой любви калининградца к театру есть и свои минусы — например, коварность: калининградцы с той же доверчивостью устремляются на "полю", как и на истинно событийные спектакли.

Впрочем, угар в конце концов рассеивается, и на театральной лавишке остаются такие глыбы, как "Царь Федор Иванович", 20 лет не сходящий с афиш калининградского "Большого" — областного драматического театра, которым руководит народный артист РФ Николай Петров.

Спектакль "Царь Федор Иванович" по трагедии А.Толстого давно пережил своего режиссера-постановщика Эмилия Вайнштейна, художника-сценографа Генриха Лековича, актеров, которые были заняты в премьере. Время лишило спектакль прежней таркости, яркости, но возместило потерю новыми качествами — философской глубиной. Спектакль по-прежнему потрясает и просветляет, вновь и вновь в муках рождая ту мудрость, что нет и не может быть истинны две добры.

Урок — один из самых трагических в истории России. Речь царя Федора и его жена, пораженные, в мерзкой драматургии нашего так же — несчастливый шанс для актера (конечно, при условии мощного режиссерского потенциала). Много в ней замешано — и мудрость, несовершенство с печалью, и детская чистота, и готовность к жертвам за все чужие грехи (бесконечно повторяющаяся на Руси история Ряблягого, но в новых лицах, в новых декорациях). Николаю Петрову, руководящему этим чудом, удаются и

В.Шелестов - 2009 - 18 - 292-0004